

Мы пережили тяжелый период

Студия Горького постепенно возвращается к жизни и готовится к акционированию. Ее директор Владимир ГРАММАТИКОВ, который только что представил на фестивале в «Орленке» свой фильм «Аз и ферт», встретился с корреспондентом «Известий» Марией КУВШИНОВОЙ и рассказал о том, что будет происходить на студии в ближайшее время.

— Как обстоят дела у студии после всех финансовых и юридических потрясений?

— Судебные дела, слава богу, все закончились — студия больше не в состоянии банкротства. Впрочем, она и не была банкротом — это был вопрос несостоятельности законодательства. Мы пережили тяжелый период, я не скрою, но он нас закалил, мы поняли про себя что-то, оценили свои возможности, силы. Студия за последние два года наконец стала прибыльной. Хотя мы платим огромные коммунальные платежи, а сейчас у Минимущества еще появилась новая идея, что мы должны 10% прибыли им отдавать. Видите, в каком ужасном состоянии наши лестницы, вход... Хотя я сознательно этого не делаю — мне кажется, что я не имею права сейчас тратить деньги на ремонт, вместо того чтобы вкладывать их в производство и технологическое обновление. Например, мы построили телевизионную студию, одну из лучших в Москве, приступили к постройке долби-студии.

Правда, сейчас начинается новый этап, который может оказаться более сложным, — акционирование. По указу президента два флага в нашей отрасли — мы и Свердловская студия — будут первыми проходить акционирование. Думаю, что мы будем благоразумны и продадем это без каких-либо экстремальных ситуаций. Хорошо, что не вся отрасль, не все чохом, потому что у Шахназарова на «Мосфильме» одна ситуация, у «Союзмультифильма» — другая, у нас — третья. К каждому объекту надо подходить индивидуально. Два с половиной года назад, когда я принимал решение занимать или не занимать кресло дирек-

тора, для меня основным вопросом была возможность акционирования студии.

— Появятся ли у студии заграничные акционеры?

— У нас есть предложения от крупных западных партнеров. Но мы их ставим во второй эшелон, потому что есть крупный государственный банк, которому мы отдаем предпочтение. Потому что мы считаем, что в первую очередь необходим собственный, национальный продукт.

— Какой именно?

— Нужно создавать фильмы-сказки для детей, телесериалы для подростков... Необязательно такие легковесные, романтические, как «Элен и ребята». Детские программы, которые сейчас есть в эфире, — это крупницы. Я убежден, что если сейчас делать в кино шлягер, то он должен предназначаться для подростков. Семьдесят процентов зрителей в модных кинотеатрах — это ребята от 13 до 25 лет. Конечно, эти фильмы должны быть сделаны жестко и современно, но искренне и чувственно.

— Что вы можете предьявить зрителю?

— Сейчас мы закончили первый блок телефильмов из проекта «Русский водевиль». Разные режиссеры сняли пять водевилей. Кроме того, мы заканчиваем очень большой проект — «Саломею». Это исторический сериал вроде «Петербургских тайн», но более напряженный. Очень звездный состав, даже в эпизодах играют известные артисты. Например, у Ракова было два съемочных дня. Сценарий написан на 30 серий, сейчас мы сняли 10 и будем смотреть, как пойдет. Первый канал и ТВЦ рвут эту вешу.

— Как вам удается руководить студией и снимать фильмы?

— А я не снимал все это время.

— Как же «Аз и ферт» из «Русского водевиля»?

— «Русский водевиль» — это продолжение традиций знаменитого малобюджетного пакета, но немножко в другой интерпретации. «Аз и ферт» у меня занял несколько недель.

— Вам не обидно, что вы сейчас не можете снимать?

— Обидно, конечно. Я четыре года мечтал снять «Маленького лорда Фаунтлероя», но, к сожалению, проект ушел к другому режиссеру.

— Вы поддерживаете какие-нибудь отношения с прежним руководством студии?

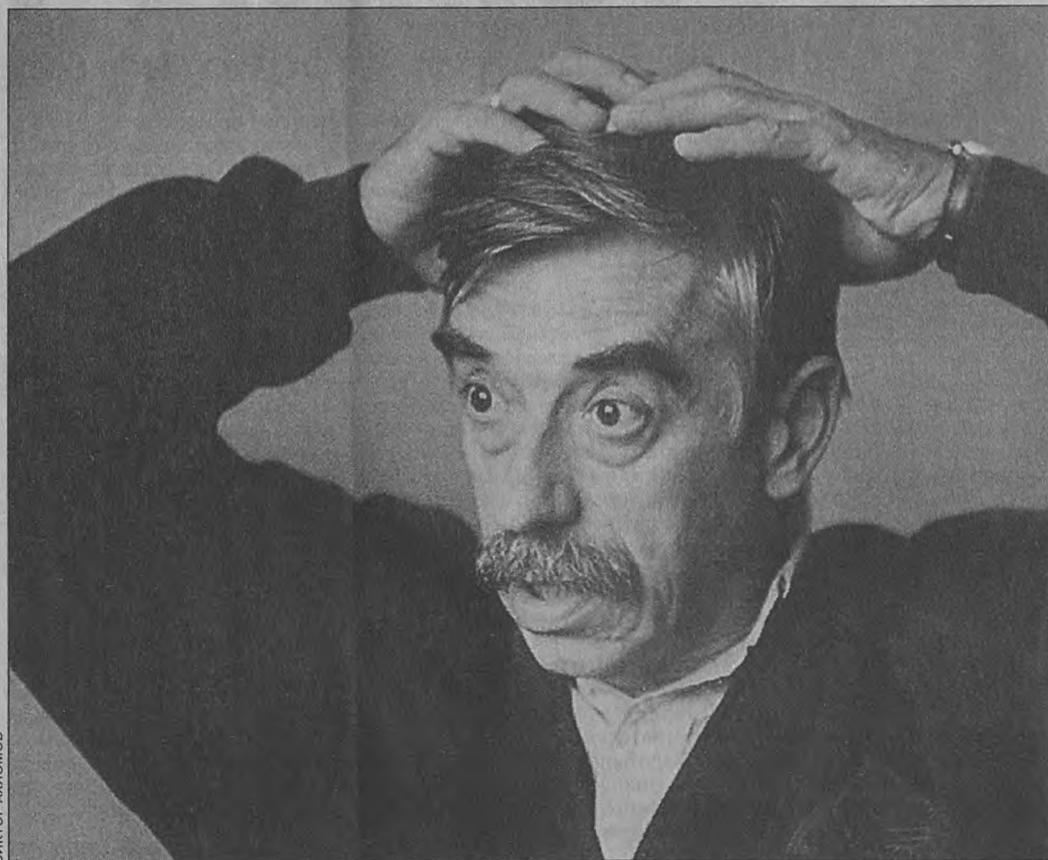
— С Ливневым Сережей? Он в Америке. Он считает, что я несправедлив к нему, я думаю, что наоборот — была возможность раскрутить и уголовные дела, но я не стал этого делать. Со всем тем наследием, которое от него осталось, я уже разобрался — и с долгами, и с обязательствами. Просто было такое бесшабашное время. Думаю, не один Сергей Давидович был виноват. Но все это уже закончено, надо думать о завтрашнем дне.

— Как вы думаете, сама идея малобюджетного кино была плохой или воплощение подкачало?

— В принципе идея эта реальна. В том, что произошло, были и положительные моменты: люди получили работу, ведь до того на студии была пустошь. Я не люблю этот пакет — он агрессивный и кажется мне даже аморальным. «Русский водевиль» — это тоже малобюджетный продукт. Можно дешево снимать кино, не покидая культурного пространства.

— Какие еще планы у студии?

— У нас подготовлен блок из трех фильмов и три сериала. Мы ждем решения крупной компании, заключит ли она с нами договор. Вы же знаете этот закон, по которому фирмы могут часть налога на прибыль не отдавать государству, а вкладывать в национальное кино? Идея звучит красиво, но предприятиям это не очень выгодно, они ставят определенные условия... Раньше мало кто афишировал свою

ВИКТОР АХЛОНОВ

прибыль. Теперь, когда контроль ужесточается, фирмы посмотрели и в нашу сторону. И правильно сделали — кинематограф во всем мире приносит огромные доходы. Россия в этом отношении является величайшим, глупым и бездарным исключением из мирового сообщества. Что-то у нас неправильно склеили где-то, и кино у нас стало убыточным. Или, может быть, нам прокатчики рассказывают байки. Мы готовим продолжение «Саломеи». Кроме того, в августе мы запускаем сериал «За кулисами» — это удивительно точный срез состояния нашего государства через театр. Только что закончен фильм «Заложник» — это кино и четыре серии для телевидения, боевик. Есть экспериментальная работа — «Цветущий холм среди пу-

стого поля» Андрея Эшпая. Мы впервые снимали фильм в цифре, поэтому я и считаю его экспериментом.

— То, о чем вы говорите, — это же не детское кино...

— С детской продукцией плохо. Просто плохо. Каналы ее не берут, у них нет времени для эфира. Детские программы сократились до уровня преступления. У нас есть уже снятый пилот, замечательный проект семейного сериала про домового, которому непонятно сколько лет — то ли пять, то ли триста. Детские проекты всегда дорого стоят. Другое дело — они все вернут. «Золушка», труженица, работает уже 55 лет.

— Возродится ли детское кино?

— Не знаю, доживу ли я до этого. Но, думаю, возродится.

Потому что оно самое рентабельное, его покупает гораздо больше стран, чем взрослое. Но до этого никому дела нет.

— У вас в «Мио, мой Мио» когда-то снимался Кристиан Бейл, который сейчас стал звездой...

— Да. С ним связана почти детективная история. Американцы купили «Мио, мой Мио» и спрятали этот фильм, потому что Спилберг запустил «Империя солнца», где Бейл был утвержден на главную роль. Он ни в одном интервью не сказал, что уже снимался у режиссера Грамматикова. Получилось, что Спилберг нашел замечательного мальчика. После успеха «Империя солнца» вытащили «Мио, мой Мио» и показали в прокате. Вот что значит индустрия.